

БОРИС КУРКИН

РУССКОЕ КОЛЕСО

(Размышления над первой сценой “Мертвых душ”)

В отечественном литературоведении первая сцена из “Мертвых душ” традиционно рассматривается в двух планах: в плане обсуждения вопроса, какой смысл несет в себе гоголевское выражение “два русские мужика”, и в плане “обличения пороков русской жизни”. У каждой из указанных тем есть своя довольно обширная библиография.

Находились, впрочем, и те, кто видел в первой сцене поэмы и “Мертвых душ” в целом клевету на Россию. Так, граф Ф. Толстой-Американец (тот, что “ночной разбойник, дуэлист, в Камчатку сослан был, вернулся алеутом”) открыто называл Гоголя врагом России и говорил, “что его следует в кандалах отправить в Сибирь”.

Двум гоголевским мужикам, обсуждающим вопрос, “доедет колесо или не доедет”, явно не повезло: большинство отечественных филологов видели и в них и до сих пор видят символ безысходности и тупости русской жизни.

Как о “сборище уродов” говорил о гоголевских героях советский исследователь В. Гиппиус: “Вряд ли кто-нибудь станет вслед за Шевыревым умиляться человечности Селифана, а вонючий Петрушка и идиоты Митяй и Миняй вместе с двумя “русскими мужиками” первой главы дополняют впечатление”. И далее: “Художественные приемы Гоголя превращают изображенный им мир существователей в действительное “сборище уродов”.

Еще резче высказывался по сему поводу Г. Гуковский: “Уже на первой странице перед нами появляются “два русские мужика, стоящие у дверей кабака”; они ведут в высшей степени комически-нелепый пьяный разговор насчет крепости колеса чичиковской брички. Так и звучит в этом разговоре беспробудная тоска “идиотизма деревенской жизни”.

Насчет “идиотизма деревенской жизни” – это уже не к Гоголю, а к Марксу с Энгельсом. И впору, перефразируя Коробочку, спросить: “Почем ходят призраки?” Но, право же, идиотизм как “способ существования белковых тел” неспособен породить “живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман” и мастеров, которым “если по-настоящему, только на одного государя и работать”, да и самой птицы-тройки.

Чуть снисходительнее к двум русским мужикам был И. Серман: “... разговор “двух мужиков”, которым открывается поэма – все-таки разговор. Эти мужики, скорее всего оброчные, знают и Казань, и Москву, судят и рядят о колесе с почти профессиональным интересом”.

“Все-таки разговор”.

“Тоже люди”. Именно эти слова героя “Войны и мира” приходят на ум по прочтении пассажа Сермана. Однако далее следует существенная оговорка:

“Только в одном случае слова и действия мужика целенаправленны, обдуманно и осмысленны – когда мужик стремится в кабак, который единственное доступное ему средство забвения”.

Взгляд на диалог двух мужиков (“доедет колесо или не доедет”) как на бессмысленный стал в отечественном литературоведении традиционным. Актуален он и поныне. Как о тупом и бессодержательном говорят о нем О. П. Монахова и М. В. Малхазова. Черты алогизма в образе города, утверждают авторы, доведены до предела: с них и начинается повествование.

Куда пронизательнее был в этом отношении А. Белый, писавший о колесе, исследуя особенности гоголевского сюжета: “Два мужика рассуждают о колесе чичиковского экипажа: доедет или не доедет? Никакого видимого касанья к сюжету: пустяк оформления, которого не запомнить читателю; через шесть или семь глав: выскочило таки *то самое колесо*, и в минуту решительную: Чичиков бежит из города, а оно, колесо, отказывается везти: *не доедет!* Чичиков – в страхе: его захватят с поличным; колесо – не пустяк, а колесо *Фортуны*”. И далее: “Ничто не сказано; кажется ж: *что-то* сказано”.

Сказано, даже на первый взгляд, многое. Об этом же писал уже в наши дни В. Кожин, которого “как-то изумило замечание известного нынешнего критика, что-де открывающий поэму разговор двух мужиков “бессмыслен”. < > А ведь “два русских мужика напорочили, что не достигнет Чичиков конечной своей цели...”

Однако для того, чтобы прийти к такому выводу всего-то и требовалось, как соотнести завязку поэмы с ее финалом*. Таким образом, смысл и значение первой сцены можно постичь лишь по прочтении поэмы, когда читатель узнает, кто и что есть Чичиков.

По нашему мнению, сцену можно охарактеризовать так: зримая встреча бытия и небытия, или вторжение небытия в бытие**.

У первой сцены “Мертвых душ” много слоев. Будем осторожно снимать их один за другим.

На первый взгляд, она подчеркивает, что въезд Чичикова в город был незаметен “для мира”. Но сказать, что он был просто незаметен, было бы не поголовски, и присутствие мужиков у кабака прекрасная деталь. Равно как и фигура молодого человека в белых канифасовых панталонах, оглянувшегося на Чичикова и пошедшего дальше своей дорогой***.

Первая сцена вроде бы чисто житейское наблюдение, почти анекдот, задающий камертон неспешно развивающемуся, но постепенно набирающему обороты действию-повествованию. Два мужика стоят у двери кабака и вяло переговариваются на совершенно абстрактную тему колеса.

Не сцена, а сплошное очарование, которое не в состоянии передать даже лучшие переводы. Сравним, например, живое гоголевское “Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” с английским (Д. Дж. Хогарт, 1916): “Look at that carriage”, one of them said to the other. “Think you it will be going as far as Moscow?” [16], немецким (В. Козак, 1988): “Siehst du”, sagte der eine dem andern, “das ist einmal ein Rad! Wie glaubst du: könnte man

* То же можно сказать и о немой сцене “Ревизора”. Сколько всего сказано было о ее смысле и значении, однако никто не попытался соотнести ее со сном Городничего о двух “необыкновенных” крысах – “черных, неестественной величины”. А что же означает явление во сне крысы? Сонник, приписываемый Симону Зилоту (Кананиту), толкуют крыс в качестве символа врагов. Предположим, что две крысы – это два ревизора: один фальшивый, другой настоящий, и оба “черные, неестественной величины” (“У страха глаза велики”). Крысы не причинили Городничему ни малейшего вреда: пришли, понюхали – и пошли прочь. В этом свете “Ревизор” предстает глубоко пессимистичным произведением: ничего не меняется даже после визита чиновника, командированного “по Высочайшему повелению”, т. е. по приказу самого Царя. Подробнее об этом см.: Куркин Б. А. “Оперативное дело “Ревизорь”. М.: 2011.

** Такое вторжение становится возможным тогда, когда в человеческом бытии намечаются серьезные изъяны. Показательно, что принимая с перепугу Чичикова за Наполеона-антихриста, чиновники города NN тотчас же и со страхом вспоминают все свои грехи.

*** Точно так же иллюстрирует ставший роковым для Чичикова ночной въезд в город NN Коробочки. Безлюдность обстановки подчеркивает сонный будочник, казнивший при свете фонаря на своем ногте “зверя” и заснувший тотчас же “по уставам своего рыцарства”.

mit so einem Rad, wenn es nötig wäre, bis Moskau kommen?“ или французским (А. Монго, 1925): “Regarde-moi cette roue, dit l’un; en cas de besoin irait-elle jusqu’à Moscou?”

Что-то неуловимое, присутствующее в нарисованной Гоголем картине, уходит при переводе. И причина тому не только принципиальная невозможность адекватного перевода текста с одного языка на другой. Здесь присутствует нечто большее – некая гоголевская, скажем больше – русская тайна.

Глубоко прав был В. Кожин, утверждавший, что “Мертвые души” – наименее понятая, наименее освоенная отечественной мыслью из всех великих книг русской литературы”.

Порой для того, чтобы понять ситуацию в ее полноте, приходится начинать издалека и исследовать совершенно неожиданные темы. В нашем случае для того, чтобы больше узнать о первом мужике, приходится отвечать, например, на такой вопрос: “Где находится город NN?” Разумеется, мы будем держать в уме и другую тему, которой озаботился в свое время И. Анненский: “Где, собственно, происходит действие “Мертвых душ”? Из какой полосы России взяты Коробочки, Митяи и Миняи? Какая среда, украинская или великорусская, выпустила Чичикова?” Иными словами, критик поднимал тему не в узко социологическом, но философском плане.

Будем помнить и слова А. Н. Веселовского о том, что родной страной для Гоголя “была не только многострадальная Русь николаевских времен, но и мир ее грез”.

Ответ на вопрос, в какой географической точке России происходит действие “Мертвых душ”, дает Л. Г. Мощенская, весьма обоснованно утверждающая, что город NN, исходя из гоголевского текста, есть Тверь. Далее она подсчитала, какова была приблизительная величина пробега чичиковской брички по губернии и городу до поломки ее колеса, и установила, что пробег чичиковской тройки составил не менее ста семидесяти верст. Если учесть, что от Твери до Москвы – 168 верст, а от Твери до Казани – 995, то получается, что до Москвы бы колесо доехало, а до Казани – нет. Полученный результат говорит о высоком профессионализме первого мужика, особенно если учесть, что ходовая часть рессорной брички представляет собой относительно сложную конструкцию. Ну и где здесь “пьяный тупой разговор”? Это беседуют два профи, способные с первого же, причем хмельного, взгляда на изделие определить его рабочий ресурс. Одним словом, мужик оказался куда большим профессионалом, нежели многие из тех, кто о нем писал.

Тем не менее, сама Мощенская, ссылаясь на Ю. Манна, подчеркивает, что с самого начала Гоголь хотел избежать какой-либо привязки этих событий к реальным фактам. И все это имеет принципиальный смысл, поскольку “попытки более или менее точно локализовать действие поэмы противоречат ее поэтике”.

Тем не менее, Гоголь, пусть и неявно, привязывал действие “Мертвых душ” к конкретной местности. Точно так же, как явствует из текста комедии, он обозначил место действия “Ревизора” в городе Петровске Саратовской губернии, хотя, разумеется, речь в пьесе идет о некоем городе-символе, а не о конкретном уездном городке. Если бы такой привязки не было, оставалось бы предположить, что все детали деловых поездок Чичикова и описания природы созданы лишь для того, чтобы подчеркнуть глубокий профессионализм первого мужика! Но такая изощренность, на наш взгляд, была бы поразительной даже для Гоголя.

Возвращаясь к двум гоголевским мужикам, спросим себя и их хулителей: “Так в чем же неоднократно поминаемый в литературоведении “идиотизм ситуации”? При чем тут бессмыслие и тупость жизни?”

Да, мужики выходят из кабака: при входе в заведение русский человек не задерживается и уж тем более не отвлекается на мимолетные обстоятельства времени, места и образа действия, не предается созерцанию. По выходе из него – сколько угодно.

Будем держать в уме, что в отличие от трактира, где можно отобедать и отужинать, кабак – особое, отдаваемое государством на откуп узкопрофильное питейное заведение, где не столько пьют, сколько пропивают. Однако трезвость экспертной оценки первого мужика позволяет делать вывод, что мужики были просто под хмельком. Да и не сказано у Гоголя, что они были пьяные. И кто сказал, что все русские мужики были пьяницы?

Обратим внимание на то, что Гоголь говорит, что это были именно *мужики*, сиречь крестьяне. Вернее всего, крепостные какого-то из окрестных помещиков (того же Манилова, например)*. Но тут же возникает другой, философский вопрос, задававшийся Анненским: “В какие годы происходит действие? Что это в сущности за страна?”

То, что это были именно *мужики*, крайне важно для нас как читателей. И вот, почему: мужик как никто другой занят живым и богоугодным делом, без которого невозможна земная жизнь.

Приехавший же в город Чичиков живет мертвечиной. Его занятие – спекуляция призрачным и несуществующим. Показательно, что Чичиков останавливается в гостинице, расположенной напротив кабака. Иными словами, Гоголь символически и одновременно зримо противопоставляет бытийное начало – мужика – началу небытийному – Чичикова.

Как отмечал Анненский, “даже колесо, которое до Москвы доедет, а до Казани не доедет, – стали бессмертны, как самые совершенные из типов Гоголя: такую яркую жизненность умел разливать Гоголь на все, до чего ни касался он своим магическим пером”.

Вернемся к гоголевским мужикам и посмотрим на них еще раз с учетом уже полученного нами знания. Вот губернский город NN, маленький, сонный. Вечереет. Подул ветер (молодой человек еле удерживает на голове картуз). Уж не Чичиков ли привез с собой враждебные миру вихри? Два вышедших из заведения мужика лишь подчеркивают обыденность или даже унылость происходящего.

На душе у них тихо и спокойно, в теле истома.

А вот и колесо. Сейчас оценим качество “изделия”.

О чем говорить двум подвыпившим мужикам, слушающим музыку Вселенной? О первом, что попало на глаза; колесо в мужицком хозяйстве вещь незаменимая. О барах – неинтересно. Что они, бар средней руки не выдвали? Перебросились парой реплик и умолкли.

Спокойствие. Дремота. Умиротворение.

Пустынность города подчеркивает фигура молодого человека “в белых ка-нифасовых панталонах”, оборотившегося назад, посмотревшего экипаж и пошедшего своей дорогой.

Это гоголевский “глубокопроникающий и всевидящий эпический взор, то же всеобъемлющее эпическое созерцание”, о котором говорил К. С. Аксаков.

Немотствуют мужики. А о чем им *говорить*? О чем *философствовать*?

Что такое философия? Она есть **вопросание**.

О чем вопрошать, ежели все нужное для жизни тебе уже открыто в Евангелии?

А посему русская философия есть – молчание.

Что ты можешь познать еще, кроме того, как исхитриться в познании грубой материи исключительно для того, чтобы смастерить новую бричку, колесо которой доезжало бы дальше прежнего? И даже не в познании, а в ориентации в мире грубой материи, сводящейся к умению найти тот заветный краник, повернув который, остается лишь немного подождать, чтобы из него полилась необходимая для субъекта материя, которая будет пущена на всепобеждающее дело достижения комфорта.

Так что же ты в таком случае “познаешь”?

“Я знаю, что ничего не знаю и не узнаю”?

Вот и весь “прогресс”: он весь сводится к качеству новой брички. Это теперь ее делают такой, чтобы она вскорости ломалась до основанья, а затем... а затем покупалась бы новая.

Убить живой мир, Космос, выпотрошить его, съесть под соусом, пользуясь ножом и вилкой, обглодать и обсосать его кости и выкинуть на помойку! Вот и весь “прогресс”!

* То, что действие, по всем изображенным Гоголем деталям, происходит во времена правления Александра I, выясняется из текста поэмы: еще жив Полицмейстер, воочию видевший Наполеона, умершего в 1821 г., проносятся слухи о бегстве узурпатора-антихриста с о. Св. Елены, партизанит капитан Копейкин, которого критик И. Золотуский нежданно-негаданно записал в “комические персонажи”. Последнее не могло продолжаться долго. Впрочем, время действия у Гоголя тоже, как и место действия условны. Такова присущая “Мертвым душам” двойная оптика Гоголя: пространство и время в “Мертвых душах” условны и призрачны.

Это ли не торжество идей Гуманизма и Просвещения?

Вспомним, что говорил о просвещении незабвенный Михаил Семенович Собакевич, а как бы и не сам Николай Васильевич Гоголь? “Толкуют – просвещение, просвещение, а это просвещение – фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично”.

“Просвещение – фук”.

А что такое “фук”. Лёгкое дуновение. Подули – и нет ничего.

В наши дни вполне мог случиться и такой диалог: “Вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Валгаллу или не доедет?” – “Доедет”. – “А в Эдем-то, я думаю, не доедет?” – “В Эдем не доедет”.

Тоже прогресс.

Мужик живет в циклическом времени, и западное “познание” ему не то, чтобы совсем не нужно (добротная вещь всегда в хозяйстве пригодится), но он устроен так, что подобное “познание” ему глубоко чуждо, ибо строй его мыслей и чувств совсем иной.

Чичиков же живет в линейном времени, стремящемся из вечности в НИКУДА, точнее, к своему концу.

Мужик живет в вечности, *пребывает* в ней, ибо занят вечным и богоугодным делом. Чичиков – *существует* во времени, и сфера его деятельности – виртуальная действительность (аферы с мертвыми душами). Тем самым, мужик вечен и бесконечен, Чичиков – мимолетен и переходящий.

За мужиком стоит ПРАВДА, за Чичиковым – ложь. Он и сам является сыном лжи, и потому у него множества личин, но нет лица. Лицо старательно прячется. Как справедливо отмечает А. Михайлов, “. . . помещики первого тома поэмы – это характеры, а он (Чичиков – **Авт.**) по сравнению с ними не характер, а скорее играющее в характер существо без личных черт”*.

Таким же изображен в “Борисе Годунове” Самозванец. Чичиков тоже – самозванец и потому априори связан с инфернальным миром.

Мужик – бытиен, Чичиков небытиен. Он лишен бытийности, ибо есть по природе своей нечистая сила и, следственно, чистая негативность. Чичиков – есть НИЧТО.

Мужик вечен, как земля, будь то Микула Селянинович или Кола Брюньон. Мужикам все эти чичиковы не интересны. Все господа для мужика на одно лицо и измеряемы общим аршином.

А теперь зададимся вопросом: не есть ли гоголевское колесо некий символ? Уместно в этой связи рассмотреть вопрос о том, какова символика колеса.

Это символ мира, символ движущей силы Космоса как живого и организованного внутри себя существа, символ непрерывного изменения и повторения, символ рождения, смерти и возрождения.

Пророк Иезекииль в своем видении узрел исполненные очей колеса, которые движут престол Божий (Иез. 1). Пылающие колеса вокруг головы Бога появляются в Книге Даниила. “Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь” (Дан. 7, 9).

Но если мужик вечно пребывает в циклическом времени, в вечном круговороте Бытия, то Колесо становится и символом Мужика! И не случайно одного из мужиков Коробочки зовут “Колесо Иван”, а мужика Плюшкина “Григорий Доезжай-не-доедешь”! Куда можно доехать в бесконечности, ведь мужик – бесконечен, Чичиков – конечен.

Однако колесо является одновременно и символом Чичикова. Но в отличие от колеса-солнца, колеса-коловрата – символа вечного и вневременного мужика, символом Чичикова становится совсем иное колесо – Колесо Фортуны. И если колесо Бытия крутится равномерно в одну и ту же сторону, определяя жизненные циклы Космоса, то Колесо ветреной Фортуны может крутиться в совершенно разных направлениях. Чичикову ли этого не знать!

* Михайлов А. В. Гоголь в своей литературной эпохе // Кожин В. В., Осетров Е. И., Паламарчук П. Г. (сост.) Гоголь: история и современность (к 175-летию со дня рождения): [сб. ст.] М.: “Советская Россия”, 1985.

Торгуя канцелярскими образами мертвецов и погружаясь в мрачную символику, делая своим орудием ложь, он входит в прямой контакт с нечистой силой, становясь частью ее — знаменитая тема Д. Мережковского.

Колесо — это, помимо прочего, одна из ипостасей рода нечистой силы — ведьм и колдунов. “Ведьма превращается в колесо”, говаривали в старину, разъясняя сказочные символы. Малороссы были уверены, что ведьма преследует человека в Ивановскую ночь в виде катящегося по дороге колеса, и если его проткнуть палкой, то наутро женщина-ведьма окажется пробитой колом. И если бы это было не так, они не сжигали бы на Ивана Купалу старые колёса и метлы, лишая ведьм и ведьмаков их привычных средств перемещения во времени и пространстве. И малороссу ли Гоголю было того не знать!

И вновь вернемся к гоголевским мужикам, теперь уже как символам Бытия.

Оба они — воплощенное Бытие.

“Свете тихий”.

Се — Русский Космос.

Два созерцателя. Два чувствователя и переживателя жизни.

Спокойствие и умиротворение.

Ан, как бы не так! Черт приехал. Незаметно. Тихо. Вкрадчиво.

И задул ветер.

Скоро все начнется.

Так же незаметно, тайно покинет Чичиков этот городок, оставив его обитателей в смятении: “Что же это было? Уж не выпущенный ли из плена на пагубу всему роду человеческому антихрист?”

“И решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков”.

Так начинается Смута.

И покатится по России дьявольское колесо.

*Колесо навстречь криво катится,
Быстрым-быстрое, и внутри пятно.
Стал я спрашивать: — Ты откуда
Оторвалося? Куда держишь путь? —
Но молчит оно, мимо катится,
Только звон гудит, только пыль стоит.
Прокатилось, промоталось
По плакун-траве и по трын-траве*.*

Гром грянул. Крестьятся мужики: “Господи, помилуй!”

Так первая сцена “Мертвых душ” становится той точкой, которая, взрываясь, рождает Вселенную гоголевской поэмы.

* Стихотворение Ю. П. Кузнецова.